

Зима пришла раньше, чем в прошлые годы.

Лу Чэнь утром распахнул дверь и обнаружил, что земля уже укрыта белым полотном. Снег продолжал идти — мелкий, густой, он оседал на волосах и плечах, тут же тая. Лу Чэнь выдохнул, и перед ним рассеялось облачко пара. На рудниках он редко видел снег: шахты находились глубоко под землей, и там, что снаружи снег, что дождь — внутри всегда одинаково темно. Сейчас, глядя на эту белизну, он подумал, что это красиво, но в то же время очень холодно.

Из соседней комнаты вышел Бай Лан, закутанный в толстую меховую накидку, с надвинутой на уши шапкой. Увидев, что Лу Чэнь застыл на пороге, он подошел и похлопал его по плечу:

— Раньше снега не видел?

— Видел. Но не такой сильный.

— Это еще не сильный, — отозвался Бай Лан. — Вот придет глубокая зима, тогда снега будет по пояс.

Лу Чэнь попытался представить себя по пояс в снегу и решил, что это маловероятно.

Они отправились на завтрак. По дороге снег хрустел под ногами, забивался в обувь, обдавая холодом. Лу Чэнь потопал ногами, вытряхивая снег из ботинок. Позади их догнал Бай Шуан, он шел, держа в руках миску с горячей кашей и прихлебывая на ходу.

— Сегодня тренировки отменяются, — сообщил Бай Шуан. — Снега слишком много, площадка непригодна.

— И что будем делать? — спросил Лу Чэнь.

— Поможем перетаскать зерно. Нужно укрепить амбар, боюсь, под тяжестью снега крыша провалится.

Втроем они направились к амбару. У входа уже собралось немало людей, Те Я, опираясь на деревянный посох, руководил процессом.

— Работаем по двое, перенесите мешки с зерном в восточный сарай. Осторожнее, не поскользнитесь!

Лу Чэнь и Бай Лан работали в паре. Один мешок весил пятьдесят-шестьдесят цзиней, Лу Чэнь брал по одному в руку, Бай Лан делал так же. Они сбегали туда и обратно уже с десятков раз, у Лу Чэня начали ныть руки, но он не останавливался. Те Я стоял на пороге и время от времени покрикивал: Помедленнее или Осторожнее на ступенях.

— Похоже, ноги у Те Я стали еще хуже, — негромко заметил Бай Лан.

Лу Чэнь взглянул на старика. Тот стоял, слегка подогнув правую ногу, почти всем весом

опираясь на посох. На лице не было никаких эмоций, но брови чуть сдвинулись, словно он преодолевал боль.

— У него зимой ноги болят? — спросил Лу Чэнь.

— Угу. Старые раны, как холодает, так и ноют.

Лу Чэнь больше ничего не сказал и продолжил таскать зерно. Когда работа была закончена, он подошел к Те Я:

— Возвращайтесь отдыхать, я здесь присмотрю.

Те Я взглянул на него:

— Чего ты там присмотришь? Ты же не знаешь букв на мешках.

— ...Я могу посчитать.

— Ты неграмотный, какой толк от счета? Потеряешь мешок — даже не заметишь.

Несмотря на ворчливый тон, Те Я переложил посох в другую руку и медленно заковылял обратно. Пройдя несколько шагов, он обернулся и бросил:

— Завтра приду за тобой и отведу в хранилище, научу паре знаков. А то даже за зерном уследить не можешь.

Лу Чэнь замер. Те Я будет учить его грамоте?

Бай Лан, стоявший рядом, усмехнулся:

— Похоже, Те Я решил взять тебя в ученики.

— В ученики?

— Раньше он учил только Цин Ши. Цин Ши — его внучатый племянник. Ты второй. — Бай Лан похлопал его по плечу. — Пошли, пора есть.

После обеда снег всё еще шел. Тренировок не было, и Лу Чэнь помогал остальным расчищать дорожки и чинить крыши. Крышу дома Бай Лянь проломило снегом; она стояла на пороге, прижимая к себе ребенка, и растерянно смотрела на протекающую кровлю. Лу Чэнь залез наверх и залатал дыру соломенным матом и досками.

Бай Лянь стояла внизу, задрав голову.

— Будь осторожен.

— Пустяки. — Лу Чэнь прибил последнюю доску и прыгнул вниз. Снег был глубоким, ноги провалились, он едва не упал. Бай Лянь протянула руку, чтобы поддержать его.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что. — Лу Чэнь стряхнул снег с одежды и мельком взглянул на ребенка у нее на руках. Малыш был укутан в толстые пеленки, наружу торчало только крошечное личико — румяное, глаза закрыты, он сладко спал. Лу Чэнь посмотрел на это лицо и подумал, что оно чем-то похоже на Цин Ши, а чем-то нет.

— Как его зовут? — спросил Лу Чэнь.

— Еще не дала имя, — Бай Лянь посмотрела на ребенка. — Жду, когда отец вернется.

Лу Чэнь открыл рот, хотел что-то сказать, но не нашел слов. Он просто кивнул и повернулся, чтобы уйти. Сделав несколько шагов, он оглянулся: Бай Лянь всё еще стояла на пороге, прижимая ребенка к груди и глядя на заснеженную даль. Снежинки падали ей на голову, на плечи, а она не шевелилась, словно изваяние.

Вечером снег перестал идти. Лу Чэнь и Бай Лан сидели под старой софой и пили вино. Листья с дерева давно опала, голые ветви тянулись к небу, как сухие костлявые руки. Снег скапливался на них, и от ветра срывался вниз тихим шорохом.

— Ты перебрал, — сказал Бай Лан.

— Нет, — отозвался Лу Чэнь, прижимая чашу к лицу, которое уже покраснело.

— Ты покраснел.

— Это от мороза.

Бай Лан не стал спорить. Они молча пили, глядя на горы вдали. Горы утонули в снегу, сплошная белая пелена, не разобрать, где заканчивается земля и где начинается небо.

— Бай Лан.

— М-м?

— Как думаешь, Цин Ши еще жив?

Бай Лан помолчал какое-то время.

— Не знаю.

— Бай Лянь ждет его.

— Я знаю.

— А если он не вернется?

Бай Лан залпом осушил чашу и вытер рот рукавом.

— Значит, будет ждать всю жизнь.

Лу Чэнь промолчал. Он смотрел в сторону дома Бай Лянь: свет в окне еще горел, просачиваясь сквозь бумагу — желтый, теплый. В этом сиянии он видел тень Бай Лянь: она ходила по комнате, баюкая ребенка. Она ждала того, кто, возможно, никогда не вернется.

Лу Чэнь допил свое вино, встал и отряхнулся от снега.

— Пойду, посплю.

— Завтра снова зерно таскать, — напомнил Бай Лан.

— Завтра снова зерно таскать, — повторил Лу Чэнь и зашагал обратно по снегу. Снег был глубоким, хрустел под подошвами, а следы тянулись за ним длинной петляющей полосой, словно шрам.

На следующий день небо оставалось пасмурным. Те Я ждал его у входа в амбар, держа в руках дощечку, на которой углем было начертано несколько строк. Это был язык Клана Волков — извилистые линии, похожие на маленьких змеек.

— Смотри внимательно, — Те Я указал на первый знак. — Это читается как Зерно.

— Зерно, — повторил за ним Лу Чэнь.

— Это — Амбар.

— Амбар.

— Зерновой амбар.

— Зерновой амбар.

Те Я кивнул:

— Сойдет. Схватываешь быстро.

— Я вообще-то грамотный, — заметил Лу Чэнь. — Я знаю человеческую письменность.

— Это другое. Ты сейчас в Клане Волков, учи наш язык. — Те Я ткнул пальцем в следующий знак. — Это — Рис.

— Рис.

— Это — Мука.

— Мука.

— Это — Мясо.

— Мясо.

Те Я выучил с ним десять знаков и велел зазубрить, чтобы завтра сдать проверку. Лу Чэнь унес дощечку в свою хижину, зажег вечером масляную лампу и раз за разом перечитывал их. Когда

Бай Лан принес еду и увидел, что тот продолжает учиться, он рассмеялся:

— Те Я правда взялся учить тебя грамоте?

— Сказал, что раз я даже за мешками уследить не могу, должен учиться.

— Те Я человек с острым языком, — Бай Лан сел на край кровати. — Но к тебе он относится по-настоящему хорошо.

Лу Чэнь ничего не ответил, перевернул дощечку — на обратной стороне была еще одна строка.

— Как это читается? — он указал на последнее слово.

Бай Лан взглянул:

— Это читается как Нож.

— Нож?

— Угу. На языке волков.

Лу Чэнь провел пальцем по знаку, обводя каждую черточку. Изогнутые линии напоминали контур лезвия.

— На твоём ноже вырезано то же самое? — спросил Лу Чэнь.

Бай Лан замер:

— Откуда ты знаешь?

— Те Я сказал. Сказал, что на обухе есть надпись, а я не могу прочесть.

Бай Лан помолчал, отцепил от пояса нож и протянул его Лу Чэню. На обухе действительно был высечен знак — точь-в-точь как на дощечке.

— Это нож Те Я? — спросил Лу Чэнь.

— Нет. Это нож моего отца, — ответил Бай Лан. — Свой собственный нож Те Я отдал тебе. А этот мне подарил отец.

Лу Чэнь вернул ему оружие.

— Почему отец подарил тебе нож?

— Потому что я его сын. В Клане Волков отцы дарят сыновьям ножи. — Бай Лан вложил нож в ножны на поясе и поднялся. — Ложись спать. Завтра тренировка.

Он ушел. Лу Чэнь остался в комнате, глядя на знаки: Зерно, Амбар, Рис, Мука, Мясо, Вода, Дрова, Огонь, Волк, Нож.

Он перевернул дощечку и пальцем начертил на обратной стороне фигурку волка. Получилось не очень похоже, но он нарисовал.

Он думал о том, что, когда придет весна, он отправится в городок к востоку от Заставы Железная Стена. Он должен проведать могилу того кузнеца ради Те Я. Он скажет Те Я, что друг ждал не зря.

А потом он вернется. Вернется в этот лагерь, в эту хижину, к дверям амбара, под старую софору. Вернется к Те Я, вернется к Бай Лану.

Потому что здесь — дом.

<http://bllate.org/book/22378/2347707>